

И. Ю. Гранева (Нижний Новгород)

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ
МЕСТОИМЕНЕЙ «МЫ» И «ВЫ» В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В настоящее время в рамках антропоцентрического подхода в гуманитарном знании активно развиваются стратегии научного поиска, связанные с проблематикой языкового воздействия в широком смысле

слова. Это обуславливает интерес ученых к лингвистическим механизмам языковой манипуляции.

Предметом настоящего исследования является манипулятивный потенциал сферы личных местоимений. В частности, мы рассмотрим роль местоимений *мы* и *вы* в национально-специфичных речевых стратегиях манипулятивного типа. В качестве материала исследования выступают языковые данные Национального корпуса русского языка.

Языковое манипулирование в аспекте теории речевых актов можно рассматривать как разновидность «некооперативного речевого поведения», которая возникает в результате намеренно некорректного обращения говорящего с языком с целью повлиять на мировосприятие, систему ценностей и поведение адресата. Манипулятивную коммуникацию отличает «обязательное применение речевых приемов скрытого воздействия. Последнее требование обусловлено пафосом манипулятивной коммуникации: самое существенное отличие манипуляции от убеждения заключается в том, что получатель целенаправленно лишается возможности объективно оценить содержание сообщения» [4, с. 93–94].

Местоимения *мы* и *вы*, с их богатыми возможностями в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности, имеют давние традиции использования в разных видах так называемой «манипулятивной коммуникации».

Так, например, первичное референтное употребление *мы* или *вы* наблюдается в приеме «**навязывания пресуппозиции**», когда суждение, которое в норме нуждается в доказательстве, в высказывании говорящего подается как само собой разумеющееся в «пресуппозиции». С языковой точки зрения это осуществляется путем постановки данного суждения в сегмент придаточного предложения (в этой позиции высказывание полагается истинным «по умолчанию»): *А все потому, что теплокоммуэнерго в паре с этими обязательствами занимается отмывкой денег. Это все **нам** давно известно. Это – старые схемы* (Анна Сергеева. Сенченко: главные лоббисты спонсора Ющенко в Партии Регионов – это Бойко и Богословская // Новый регион 2, 2009.05.13).

С коммуникативной точки зрения здесь осуществляется насильственное включение адресата в круг людей, разделяющих некое мнение, которое сам адресат, может быть, и не разделяет.

Аналогичным образом в манипулятивных целях может быть использовано и первичное референтное употребление *вы*: *Но, внима-*

тельно изучив телепрограмму, **вы** убедитесь, что эта проблема – в отличие от начала 90-х – сегодня уже неактуальна (Вся власть советам по нравственности? // РИА Новости, 2008.01.22). Нетрудно видеть, что здесь в позиции безусловно истинного суждения подана как минимум спорная информация, которая приписывается сфере знаний адресата без всякого на то основания.

Примечательно, что во многих подобных контекстах манипулятивного типа, навязывающих адресату некое мнение, *мы* и *вы* встречаются вместе. Особенно это типично для первичного референтного употребления *мы* – инклюзивного ('мы с тобой / вами'): – **Мы с вами на своем опыте знаем, что часто нам приходится платить за медицинскую помощь дополнительно** (Анастасия Нарышкина. 1 апреля российских пенсионеров начнут лечить по-новому // «Известия», 2003.02.21).

С точки зрения классификации приемов «языковой демагогии», предложенной в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, это может быть квалифицировано как «интерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [1, с. 472], которая заключается в том, что говорящий, помимо желания адресата, включает их в сферу приложимости обобщенного суждения о мире. Кроме этого, автор как бы присваивает себе право выражать суждение от имени всех нас.

Участие *мы* и *вы* в языковой манипуляции предполагает осознанное говорящим обыгрывание в контексте, сталкивание разных типов референции *мы*, что, например, видно из следующего старого анекдота: *Генеральный Секретарь ЦК КПСС выступает с речью: / – Через двадцать лет мы будем жить при коммунизме! / Реплика из зала: – А мы?*

В работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева этот прием называется «игра на референциальной неоднозначности» и трактуется как средство «языковой демагогии» [1, с. 474]. Так, в речи говорящего *мы* предполагает 'мы с вами' (инклюзивное), а адресат нарочито воспринимает его как эксклюзивное 'мы с моими товарищами по ЦК КПСС', благо контекст не дает прямого указания на инклюзивность или эксклюзивность понимания данного употребления.

Данное манипулятивное употребление *мы* вполне коррелирует с крайне активным типом нереферентного употребления *мы* – это *мы*

экзистенциальное из прошлого, «советского дискурса»: *мы* коллективных собраний, проработок, социалистических обязательств и пр. Под нереферентным экзистенциальным употреблением *мы* в наших работах понимается класс употреблений этого местоимения, который соответствует квантору существования: *есть некоторые S...*, *существуют S...* и предполагает, что это употребление очерчивает некий класс лиц, объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т. п. [2, с. 206–209].

С точки зрения манипулятивных речевых стратегий это можно именовать стратегией «**мы-изложения**»: «Например, синтаксис советской эпохи характеризуется высокой активностью предложений без прямого обозначения действующего лица-субъекта: *Кому-то это выгодно; Есть мнение; Выдвигаются в качестве основных принципы диалектики* и др. В нем развивается принцип *Мы-изложения* (*Мы идем дорогой партии...*, *Нас не запугать...*), которое призвано скрывать личную ответственность за высказывание, принимая вид общего правила, непоколебимой истины, в отличие от *мы-научного*, выполняющего функцию общего правила, факта» [3, с. 50].

Мы-изложение является одним из средств намеренного устранения субъекта в пользу неопределенно-безличного изложения точки зрения на события. Это комплекс приемов синтаксической организации речи, который, наряду с языковыми средствами безличности, использует замену Я говорящего на *мы*.

Так, например, в докладе М. С. Горбачева говорится: *Сегодня мы обращаемся к Октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки* (М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается – НКРЯ). Здесь *мы* – это все, кто разделяет официальную точку зрения, это прежде всего *партия*, да и весь *советский народ*, которые в то время часто, по мнению П. Сериио [5], выступают контекстуальными синонимами к *мы*.

Эффект *мы-изложения* усиливается за счет постановки конструкции с *мы* в контекст модальности долженствования: *Нам предстоит продолжить и приумножить дело первопроходцев революции и социализма. И мы непременно добьемся этого своим трудом, творчески используя опыт поколений, прокладывавших дорогу Октября до нас и*

для нас! (М. С. Горбачев. Октябрь и перестройка: революция продолжается).

Отметим, что включение адресата в сферу ценностей говорящего при таком употреблении *мы* происходит как бы в качестве само собой разумеющегося факта, в пресуппозиции, облигаторно («не спросив адресата»), что делает такое *мы* явно манипулятивным.

Рассмотренная стратегия *мы*-изложения не ушла в прошлое вместе с «тоталитарным языком» советской эпохи. Она регулярно воспроизводится и в современных разновидностях политического и рекламного дискурса: *В инициализированном Мальцевым послании есть такие слова: "Мы считаем, что Вы как Президент Российской Федерации должны назначить на должность глав администраций во всех субъектах Российской Федерации и освободить их от должности»* (Александр Крутов. Ванька Жуков против Конституции России // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20).

Вся конструкция фразы имеет манипулятивный характер, скрывая за употреблением *мы* личную ответственность говорящего за свое высказывание и придавая его речи авторитетность за счет приобщения к некой сверхличностной ценности («не я, а мы все так считаем»).

Значительным манипулятивным потенциалом также обладает нереперентное экзистенциальное употребление *вы*. Такое *вы* обычно употребляется в суждениях обобщающего типа (так называемых «генерализованных высказываниях»), а также широко используется в рекламных целях: *Став клиентом нашей компании, вы получите профессиональный и высокоэффективный информационный отдел в Вашей фирме, который будет работать на пользу и процветание Вашего бизнеса и услугами которого смогут воспользоваться все сотрудники Вашей фирмы* (Информационная система INFOLine, 2003).

Нетрудно заметить здесь манипулятивный механизм наведения ложной импликационной связи, когда в режиме реальной модальности, т. е. безусловной уверенности, получение определенных предпочтений жестко увязывается с условием «стать клиентом нашей компании». *Вы* в подобных случаях обозначает референтно неопределенный и нераспределенный круг лиц, входящих в число клиентов означенной компании.

Еще большим манипулятивным потенциалом обладают нереперентные универсальные употребления *мы* и *вы* (соответствуют кванто-

ру всеобщности *Все S суть P; Ни один S не суть P*), когда *мы / вы* подразумевают ‘все’. Манипулятивность усиливается в интенциональном контексте косвенного речевого акта – риторического вопроса, который предполагает скрытое общезначимое утверждение: *Кто из нас не испытывал бурных восторгов по поводу кадров, отснятых «из-за угла», с бедра или другим незаметным для объекта внимания способом* (Стоп! Снято! (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.03.15). Здесь навязывается пресуппозиция, что все мы, безусловно, испытываем данные чувства по этому сомнительному поводу.

Аналогично: *Ну, признайтесь, кому из вас не хотелось заглянуть в чужой карман, особенно если он принадлежит какому-нибудь высокопоставленному чиновнику?* (Юлия Юсупова. Александр Ткачев зарабатывает меньше губернаторов-соседей // Комсомольская правда, 2009.05.27). Здесь также в пресуппозиции навязывается в качестве безусловно истинного весьма спорное суждение ‘все хотели заглянуть в чужой карман...’.

В целом манипулятивное использование *мы* и *вы* эксплуатирует важную общечеловеческую идею кооперативности, представление о фундаментальной общности людей в целом и о важных для человека объединениях людей по национальному, родовому, семейному и другому признаку, что делает это использование крайне эффективным и вместе с тем довольно неэтичным средством языковой демагогии.

1. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997.

2. Гранева, И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения *мы* / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 206–209.

3. Купина, Н. А. Лингвистические проблемы толерантности / Н. А. Купина, О. А. Михайлова // Толерантность в современной цивилизации: сб. научн. трудов. – Екатеринбург: изд-во Урал, ун-та, 2001. – С. 50–69.

4. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

5. Серио, П. Анализ дискурса во французской школе. Дискурс и интердискурс / П. Серио // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549–562.